

Н.И. Платицына
N.I. Platitsyna

**ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА, ХОЛОКОСТ И СУДЬБА ХУДОЖНИКА
 В РОМАНЕ Д. ФОНКИНОСА «ШАРЛОТТА»**

**WORLD WAR II, THE HOLOCAUST AND THE ARTIST'S FATE
 IN D. FOENKINOS'S NOVEL "CHARLOTTE"**

Цель статьи заключается в изучении проблематики и поэтики романа современного французского писателя Д. Фонкиноса «Шарлотта», еще не становившегося объектом исследования в отечественном литературоведении. Констатируется идеологическая соотнесенность романа с классической традицией антивоенной (антифашистской) прозы, сохраняющей свою актуальность и сегодня. На основе применения биографического, культурно-исторического, психологического, поэтологического, рецептивного методов и подходов охарактеризованы способы художественного осмысления проблемы «человек и Вторая мировая война». В центре внимания автора романа – судьба немецкой художницы еврейского происхождения Шарлотты Саломон, погибшей в концентрационном лагере Аушвиц-Биркенау. Существенно, что жизнь Шарлотты реконструируется по книге ее автобиографических рисунков «Leben? Oder Theater?», при этом изображение отдельных жизненных ситуаций сопровождается субъективно-личностной рефлексией писателя. Высказывается предположение о том, что в отличие от художественной прозы, созданной непосредственными участниками войны, тексты новейшей литературы (в том числе – и роман Фонкиноса) демонстрируют сфокусированность на отдельном человеке и его индивидуальном травматическом опыте. Отмечена оригинальная жанровая природа анализируемого произведения – роман-верлибр. Обозначены перспективы его дальнейшей интерпретации, предполагающие установление типологических связей между романом «Шарлотта» и западноевропейским «романом о художнике» (Künstlerroman), рассмотрением романа в контексте творчества Фонкиноса и, шире, в контексте современной французской литературы.

Ключевые слова: *современный литературный процесс, Фонкинос, «Шарлотта», Вторая мировая война, художник и тоталитарное государство, «преодоление прошлого».*

The aim of the article is to study the set of problems and poetics of the novel "Charlotte" by David Foenkinos that has not been studied in the Russian Literary Studies yet. The researcher states the ideological correlation between the mentioned novel and the traditional antiwar (antifascist) prose that seems to be still up-to-date; characterizes ways of artistic reflection on such a problem as "men for the duration of the World War II", basing on such methods and approaches as biographical, historical and cultural, psychological, poetological and receptive. The writer focuses on life of Charlotte Salomon, the German artist with Jewish roots, who died

in Auschwitz-Birkenau. It is important to know that Foenkinos reconstructs Charlotte's life according to the collection of autobiographical drawings "Leben? Oder Theater?" Still, the author's depiction of situations that take place in her life has very personal character. We suppose that the difference between the writings by people who saw the war and the works of nowadays (not excepting "Charlotte") is that modern fiction focuses on an individual and their psychological traumas. In addition, we highlight the uniqueness of such a genre as novel verslibre that the writer uses in his work and mark the research perspectives. We plan to give a more detailed interpretation of the mentioned book, drawing typological parallels between "Charlotte" and traditional Western Europe "novel about the artist" ("Künstlerroman") and to study the literary effort by Foenkinos in context of all his books as well as in context of the French modern literature.

Key words: modern literary process, Foenkinos, "Charlotte", World War II, an artist in totalitarian state, overcoming the past.

DOI: 10.24888/2079-2638-2023-57-2-46-56

Имя современного французского писателя, сценариста, музыканта Давида Фонкиноса (David Foenkinos, р. 1974) известно российскому читателю по романам-бестселлерам «Эротический потенциал моей жены» (2004), «Нежность» (2009), «Леннон» (2010), «Шарлотта» (2014), «Тайна Анри Пика» (2016), «Две сестры» (2019) и др. Фонкинос – обладатель многочисленных литературных премий, среди которых особое значение имеют премия Франсуа Мориака (за роман «Идиотизм наизнанку», 2001), премия Теофраста Ренодо, учрежденная в 1925 году в качестве дополнения к Гонкуровской премии, и Гонкуровская премия лицейстов, основанная в 1988-м и позиционируемая как «младшая сестра» Гонкуровской премии (обе премии присуждены за роман «Шарлотта», 2014). В 2014 году 2000 французских школьников из 57 лицеев выбрали роман «Шарлотта» среди 15 других романов, отобранных Гонкуровской академией. Это обстоятельство чрезвычайно воодушевило Фонкиноса, признавшегося в интервью: «Когда я подписываю романы в книжных магазинах, очередь в основном состоит из пожилых людей, поэтому я ужасно обрадовался, что за "Шарлотту" мне присудили Гонкуровскую премию лицейстов» [4].

Произведения писателя переведены на сорок языков. Романы «Нежность» («La Délicatesse») и «Тайна Анри Пика» («Lemystère Henri Pick») были экранизированы («Нежность» – 2011 г., реж. Д. Фонкинос, С. Фонкинос; «Тайна Анри Пика – 2019 г., Р. Бенансон). В беседах с журналистами писатель часто упоминает о том, какое значение для становления его личности и творчества имеют русская культура, искусство и, прежде всего, литература, а также тепло вспоминает о посещении России и Республики Беларусь (так, например, Фонкинос был участником делегации Посольства Франции в Республике Беларусь, посетившей 14 февраля 2018 года Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова с целью открытия т.н. Французского уголка, располагающего справочными, учебными, научно-популярными материалами для изучения французского языка и французской культуры. В дар библиотеке университета были переданы издания по истории и географии Франции, современные учебники французского языка, а также учебники по подготовке к международным экзаменам). Существенно, на наш взгляд, замечание Фонкиноса о его духовной связи с русским культурным миром: «Для меня очень важно, что мои романы столь популярны в вашей стране, ибо я тесно связан с русской культурой. Я испытываю к России сильные чувства. Думаю, дело в том, что первыми прочитанными мною книгами были русские романы XIX века. Кроме того, я увлекался музыкой Прокофьева, живописью Малевича. Даже пробовал выучить язык. В 1997 году отправился в Санкт-Петербург, чтобы увидеть квартиру, где жил Достоевский, и места, имеющие отношение к героям Федора Михайловича» [4]. Увлеченность «русской темой» сближает Фонкиноса с рядом современных зарубежных авторов, в поле творческого

внимания которых оказываются Россия и русский национальный характер, события русской (российской) истории, прецедентные тексты русской литературы и т.д. (ср.: «Идеаль» Ф. Бегбедера, «Красные кораллы» Ю. Герман, «Жребий» Э. Манро, «Берег Утопии» Т. Стоппарда и др.). Так, в романе «Тайна Анри Пика» появляется неизменно волнующий Фонкиноса образ А.С. Пушкина. В сознании французского писателя образ великого русского поэта связан «с идеей страдания и абсурдной смерти творческой личности» [13, 303]. Эта идея находит отражение и в других романах Фонкиноса.

На вопрос о том, какая из его книг наиболее важна для самого писателя, Фонкинос в 2016 году ответил: «Думаю, лучшее, что я создал, – роман "Шарлотта" о немецкой художнице Шарлотте Саломон, которая в годы войны погибла в Освенциме. Своим мэтром она считала Марка Шагала. В данном случае я видел миссию в том, чтобы вернуть ее имя из небытия. Мне это удалось. Книгу изучают в школах. Установлены мемориальные доски. Сейчас работаю над фильмом о Шарлотте» [4]. «Возвращение из небытия» имени Шарлотты Саломон (1917–1943) осознается как вклад Фонкиноса, писателя и человека, в дело сохранения исторической и культурной памяти, памяти о Второй мировой войне, о трагедии Холокоста, трактуемого в широком смысле как преследование и массовое уничтожение представителей различных этнических и социальных групп [17]. Несмотря на неослабевающую популярность романа среди обычных читателей (в русскоязычном сетевом пространстве существует множество любительских откликов, мини-рецензий, комментариев), оснований для осмысления его профессиональной рецепции (научной и литературно-критической) не так много. Это суждение справедливо и для творчества писателя в целом. В отечественной филологической науке пока не существует ни одной диссертационной работы или монографического исследования, посвященных художественной прозе Фонкиноса. По-видимому, пока нельзя говорить и о наличии полноценных литературоведческих статей, анализирующих те или иные аспекты произведений писателя.

Наиболее ценные наблюдения о некоторых (преимущественно лингвостилистических) особенностях повествовательной стратегии Фонкиноса, а также о специфике языковой репрезентации в его романах образа России и русских содержатся в статьях Ю.В. Степанюк [10; 11; 12; 13]. Несомненный интерес представляет статья Т.Н. Амиряна «Поэтика жанра экзотификции: между фактом и вымыслом» (2021), констатирующая принадлежность романа «Шарлотта» к жанру экзотификции, который апеллирует «к коллективной памяти аудитории», «возвращая» известные имена прошлого или переписывая истории их жизни по-новому» [1, 156]. В статьях М.Д. Воронцовой, В.А. Лавриненко, М.В. Миновой [2; 6; 8] произведения Фонкиноса упоминаются вместе с другими текстами в связи с решением актуальных лингвистических проблем. Между тем, художественное наследие писателя, включающее на сегодняшний день 18 романов, новеллы, произведения для детей, нуждается в системном изучении, предполагающем, в том числе, осмысление его (наследия) места в современном литературном процессе.

Статья представляет собой первый в отечественном литературоведении опыт анализа одного из знаковых произведений Фонкиноса – романа «Шарлотта» («Charlotte», 2014), снискавшего писателю, как уже упоминалось, любовь читательской аудитории и упрочившего его положение среди крупнейших западноевропейских (прежде всего, французских) авторов.

С одной стороны, роман «Шарлотта» может быть рассмотрен в контексте классической для западноевропейской литературы традиции «романа о художнике» (*Künstlerroman*), с другой – он продолжает и развивает традицию антивоенной (антифашистской) прозы XX века. Этот второй аспект – корреляция исследуемого романа с традицией литературы о Второй мировой войне, сохраняющей свою актуальность и в первые десятилетия XXI века, – для нас наиболее важен. Как известно, к рефлексии национального прошлого, исторической и культурной памяти, проблемы личной и коллективной вины и ответственности, к преодолению травматического (военного) опыта

средствами искусства обращались многие писатели [9]. Проблема «человек и Вторая мировая война» получила развитие в творчестве В. Борхерта, Г. Бёлля, Веркора, И. Во, Р. Гари, З. Ленца, Р. Мерля, Дж. Олдриджа, У. Стайрона / Дж. Бойна, В. Гоби, М. Зузака, А. Зурмински, К. Исигуро, Дж. Литтелла, И. Макьюэна, П. Модiano, Б. Шлинка и др. Продолжающееся в современной литературе «преодоление прошлого» постепенно утрачивает то эмоционально-субъективное, глубоко болезненное, животрепещущее начало, которое было столь характерно для произведений участников и свидетелей войны. Авторы, принадлежащие к «поколению внуков / правнуков» и, следовательно, не имеющие непосредственного военного опыта, проходят собственный путь расчета с прошлым. Героями их произведений тоже становятся люди, познавшие войну, погибшие и выжившие в ее окопах, узники концентрационных лагерей, представители самых разных социальных слоев, профессий, возрастов, национальностей... Однако если прежде разрешение проблемы «человек и война» требовало от писателя соотнесения судьбы героя с судьбой целого поколения, «размывания» личного переживания, обретающего статус общего, распределения ответственности между всеми сопричастными войне («...я един со всем человечеством...»), то в современной прозе художественный фокус, кажется, начинает смещаться в сторону изображения *конкретного* человека с его *индивидуальным* травматическим или посттравматическим опытом.

При этом материалом для произведений современных авторов являются собственные детские воспоминания, сопровождаемые обращением к письмам, дневникам близких, прошедших войну («На примере брата» У. Тимма и др.), либо воспоминания самого участника военных событий («Татуировщик из Освенцима» Х. Моррис, «Маленькая фигурка моего отца» П. Хениша и др.), либо – автобиографические тексты (в случае с романом «Шарлотта» – скорее, даже *медиатексты*), дополненные оценочными суждениями и комментариями писателя.

Роман «Шарлотта» посвящен трагической истории жизни и смерти немецкой художницы еврейского происхождения Шарлотты Саломон и основан на ее автобиографической книге «Leben? Oder Theater? Ein Singespiel» («Жизнь? Или театр? Зингшпиль»). «Синтетическое произведение» (К. Львов), «живописная автобиография» (А. Парашутов), «жизнь, превращенная в мультимедийное произведение искусства» (В. Койфман), «графический роман» (Дж. Джонс), книга Саломон состоит из многочисленных гуашевых рисунков, текстовых комментариев к ним и названий музыкальных сочинений, соответствующих, по мысли художницы, изображаемому событию. Эти экспрессионистические рисунки в манере Мунка или Шагала последовательно воссоздают жизнь семьи Саломон, члены которой наделяются вымышленной фамилией Канн (*от нем. können – мочь, уметь*), бабушки и дедушки (представленных как господин и госпожа Кнарре (*от нем. Knarre – дуло, пулемет*)), мачехи (Паула Линдберг превращается в *Паулину Бимбам*), преподавателя по вокалу Альфреда Вольфсона (Шарлотта называет его Амадеусом Даберлоном (*нищим Моцартом*)). «Drei-Farben-Singespiel» («трехцветный зингшпиль»), включающий **рисунки** с доминированием *голубого, красного, желтого* цветов, **текст** и **музыку**, задуман Шарлоттой как визуализация ее биографии («Я создам историю своей жизни, чтобы не сойти с ума» [5]). Но вместе с тем – это документ эпохи, фиксирующий напряженное движение исторического времени: Первая мировая война, Веймарская республика, Германский рейх, Холокост, «Хрустальная ночь», Вторая мировая война и т.д. Вдохновленный жизнью и творчеством Шарлотты Саломон, Фонкинос использует ее книгу-завещание как источник для создания собственного произведения.

Шарлотта Саломон родилась 16 апреля 1917 года в Берлине, в семье известного хирурга, профессора медицинского факультета Берлинского университета Альберта Саломона и его жены Франциски Грюнвальд. Зимой 1925 года мать Шарлотты выбросится из окна, а спустя 5 лет доктор Саломон заключит брак с оперной певицей Паулой Линдберг (Леви). Этому периоду жизни Шарлотты посвящены две части романа Фонкиноса. Здесь же

впервые обозначается и присутствие самого автора. Так, например, упоминание о первых днях супружеской жизни родителей Шарлотты или о школе принцессы Бисмарк, где училась будущая художница, становится в романе личным высказыванием писателя, характеризующим его отношение к героине и изображаемым событиям. Заметим, что таких личных высказываний в романе немало (ср.: «Онегин, добрый мой приятель, / родился на берегах Невы <...> Там некогда гулял и я...». А.С. Пушкин. «Евгений Онегин»)¹:

Юная новобрачная бродила по огромной квартире
На втором этаже доходного дома
В Шарлоттенбурге – *квартале Шарлотты*.
Это дом № 15 по Виландштрассе, близ Савиньи-платц.
Я часто гулял в тех местах
И влюбился в них еще до того, как узнал о Шарлотте
(курсив автора; выделено мной. – *Н.П.*) [14, 13].
...
Я тоже долгие годы спустя прошел по этой дороге,
Прошел много раз, по ее следам,
Туда и обратно, тем же путем, что маленькая Шарлотта.
И однажды я пришел в ее школу.
По вестибюлю бегали девочки.
Мне подумалось: вдруг Шарлотта еще бежит вместе с ними?
(выделено мной. – *Н.П.*) [14, 25].

Самоубийства матери и тети, о которых не подозревала Шарлотта, а затем и самоубийства бабушки (и других членов семьи) трагически повлияли на мироощущение художницы. В одном из писем Шарлотты, адресованных отцу и мачехе, содержится важное замечание: «Моя жизнь началась тогда, когда бабушка решила взять свою, когда я узнала, что то же самое сделала вся семья моей матери, когда я обнаружила, что я – единственная уцелевшая, и когда глубоко внутри себя почувствовала ту же склонность, тягу к отчаянию и к смерти» [16]. В классическом труде З. Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия» (1920) обоснован известный тезис о том, что человек испытывает мощное воздействие двух основных инстинктов (влечений): Эроса (инстинкта жизни) и Танатоса (инстинкта смерти). Эрос постепенно угасает, в то время как Танатос сохраняет свою активность на протяжении всей жизни человека и исчерпывается только с его смертью («Влечения же к смерти, как кажется, непрерывно производят свою работу» [15]). Думается, эта дуалистическая концепция (или *дуалистическое представление о влечениях*) может быть применима и для оценки личности Шарлотты Саломон. Утрата *влечения к жизни* обусловлена, вероятно, наследственным фактором, но также и тем, что Шарлотта была лишена возможности полноценно любить и быть любимой, переживая смерть самых близких людей, вынужденно примиряясь с несправедливостью и жестокостью тоталитарного режима. Трагизм ее существования усиливается и по мере осознания национальной принадлежности («В тринадцать лет Шарлотта внезапно открыла мир своего народа...» [14, 33]), и в процессе физического и ментального развития:

¹ Упоминание о романе в стихах «Евгений Онегин» обосновано тем, что Фонкинос, получивший филологическое образование в Сорбонне и увлеченный творчеством Пушкина, прибегает к тем же способам включения образа автора в повествование. В романе «Шарлотта», как и в романе «Евгений Онегин», «текст и внетекстовый мир органически связаны» (Ю.М. Лотман).

Тысяча девятьсот тридцатый год –
 Время отрочества Шарлотты.
 Люди о ней судачили: она, мол, *живет, в своем мире*.
Жить в своем мире – чем же это чревато?
 Мечтами и, несомненно, поэзией,
 Но притом еще необычной смесью отвращения и блаженства.
 Шарлотта могла страдать и смеяться одновременно.
 <...>
 Девочка все сильнее страдала от одиночества
 (курсив автора. – Н.П.) [14, 29–30].

«Жить в своем мире», «удалиться в башню из слоновой кости» – желанный удел творческой личности, подлинного художника. Склонности и предпочтения Шарлотты – стремление к уединению, созерцательность, рефлексивность, мечтательность, одержимость чтением и рисованием – обнаруживают ее причастность к той особой категории героев, которых называют исключительными (или энтузиастами / музыкантами / художниками / романтиками): «Художник живет в бесконечном смятении – это его привилегия» [14, 78].

Беседы и споры гостей обогащали Шарлотту,
 Она начала читать и читала много и жадно,
 Буквально глотая Гёте, Гессе, Ремарка, Дёблина, Ницше... [14, 35].

Романы Г. Гессе, А. Дёблина, Э.М. Ремарка будут включены в «Schwarzen Listen» («черные списки») и сожжены в рамках «акции против негерманского духа», проходившей с марта по октябрь 1933 года в десятках городах Германии. Акция по истреблению книг, инициатором и исполнителем которой выступят Немецкий студенческий союз и молодежная организация НСДАП (гитлерюгенд), положит начало массовому истреблению людей (вспомним в этой связи хрестоматийное высказывание Г. Гейне: «... Там, где книги жгут, / Там и людей потом в огонь бросают». «Альманзор», 1823). В это же время доктор Саломон потеряет должность университетского профессора и начнет исполнять обязанности хирурга в Еврейской больнице, Паула Саломон уйдет из театра и будет петь в Культурном Фонде помощи еврейским деятелям искусств. А Шарлотта вместе с бабушкой и дедом отправится в поездку по Италии, которая вдохновит ее так же, как когда-то двухлетнее путешествие по итальянским городам вдохновило великого Гёте:

В Италии Шарлотта расширила свой кругозор,
 Перед нею открылись новые горизонты,
 От некоторых картин она приходит в экстаз,
 Ее сердце колотится, как у влюбленной,
 Лето тридцать третьего года – духовное рождение девушки.
 В становлении творческой личности есть ключевой момент,
 Миг, когда начинает звучать собственный голос художника,
 И в нем расплывается сгусток эмоций, словно кровь в прозрачной воде [14, 49].

Будущее Шарлотты после возвращения из Италии, кажется, предопределено. Навсегда покинув школу, в которой все явственнее стало ощущаться враждебное отношение к *не-немцам*, Шарлотта Саломон занимается с приглашенными преподавателями и готовится к поступлению в Академию искусств (Школу изящных искусств). На многочисленных рисунках художницы, включенных в книгу «Жизнь? Или театр?» и хронологически связанных с событиями 1933–1938 гг., запечатлены ужасающие в своей грандиозности шествия национал-социалистов, антисемитские лозунги и ярость толпы,

разделяющей ненависть к чуждым «арийскому духу». Но пока еще Шарлотта противостоит всеобщему хаосу и чувствует себя защищенной в *своем* мире, в *своей* «башне из слоновой кости»:

Она выбрала путь между старым академизмом и современностью,
Безмерно восхищена Ван Гогом, открыла для себя Шагала,
Боготворит Эмиля Нольде, прочитав его знаменитую фразу:
Я люблю те картины, которые словно сами себя написали.
А ведь есть еще Мунк, и Кокошка, и Бекман.
Живопись захватила Шарлотту, она забыла обо всем остальном
[14, 53].

В 1936 году Саломон поступает в Берлинскую академию искусств. «Принимаете ли вы евреев?» – гласит подпись под одним из ее рисунков, изображающих Академию. В течение двух лет она изучает живопись. В романе Фонкиноса показано унижительное положение талантливой Шарлотты («Ее ведь просили держаться в сторонке, избегать разговоров с другими» [14, 54]) и вместе с тем – неминуемый процесс искоренения творческой свободы, «обуздания слишком вольных кистей» [14, 54], борьбы с «дегенеративным» («упадочным») искусством. «После сожженных книг – заплеванные картины» [14, 55], – в этой лаконичной формуле отражена одна из идеологических граней нацизма, основанного на тотальной репрессии. «Оригинальный, причудливый, страстный и поэтичный» [14, 89] стиль Шарлотты Саломон, постепенно вырабатываемая индивидуальная техника, удивляющая самобытностью и дерзкой смелостью, будут высоко оценены на ежегодном конкурсе студенческих картин. Однако его результаты потребуются пересмотреть:

Присудить победу еврейке? Но это немыслимо!
За конкурсом слишком пристрасно следят... [14, 90].
...Три дня подряд Шарлотта плакала безутешно [14, 91].

Положение Шарлотты в обществе, где расовые предрассудки вытесняют представления о ценности человеческой жизни, во многом определяется и внутренним состоянием героини. Острое осознание несправедливости, разочарованность и ощущение собственного бессилия вступают в сложное взаимодействие с чувством горечи от принадлежности к *иным*. Между Шарлоттой и ее подругой Барбарой, «чистокровной немкой», «белокурой и хорошенькой» и на этом основании получившей незаслуженную премию, устанавливаются те же мучительные отношения, что и между Тонио Крёгером и Ингеборг Хольм и Гансом Ганзенем. «Ясные, белокурые, с глазами цвета голубой стали» Ингеборг и Ганс недостижимы для Тонио, с упоением читающего «Дона Карлоса» и мечтающего жить «свободным от проклятия познания и мук творчества» [7], в той же степени, в какой для дочери доктора Саломона недоступна уютная бюргерская повседневность Барбары:

Ах, если б Шарлотта могла хоть недолго пожить, как подруга!
[14, 54].

Столкновение с жестокой реальностью, прежде не столь очевидной или, скорее, неохотно замечаемой Шарлоттой, искренне верящей, как и ее дед, в то, что «Европа не ввергнет себя в новую страшную бойню» [14, 49], достигает апогея в ноябре 1938 года:

«Хрустальная» – вот как называли ту ночь
С девятого на десятое ноября тридцать восьмого года,
Когда разоряли еврейские кладбища,
Уничтожали имущество,
Громили тысячи магазинов,
Разворовывали товары
<...>
Тысячами людей загоняли в концлагеря,
Тысячами...
Среди них оказался отец Шарлотты» [14, 99].

Доктора Саломона интернируют в трудовой лагерь Заксенхаузен, и только благодаря неустанным хлопотам Паулы через четыре месяца чудовищных мучений он будет освобожден. Шарлотта вскоре отправится на юг Франции, в средиземноморский курортный городок Вильфранш-сюр-Мер возле Ниццы, и вместе с другими евреями найдет временное убежище на вилле Оттилии Мур «L'Ermitage» («Эрмитаж»). Девизом Шарлотты, «опорой ее стоицизма» станут слова, произнесенные ее возлюбленным Альфредом Вольфзоном: *«Не забывай никогда: я верю в тебя, Шарлотта»* (курсив автора. – Н.П.) [14, 110]. Самоубийство бабушки, последующее заключение в концентрационный лагерь Гюрс, сексуальные домогательства деда, тяжелейшее возвращение в «Эрмитаж» – эти испытания, помноженные на уже пережитое, оказались бы непосильным бременем для Шарлотты. Сохраняя в памяти прощальные слова Вольфзона и внимая совету доктора Мориدي: *«Если чувствуешь боль, выражай ее на холсте, на бумаге!»* [14, 147], Шарлотта начинает интенсивно писать.

Да, ей нужно жить ради творчества,
Нужно писать картины, чтобы не впасть в безумие [14, 147]

**Запечатлеть воспоминания в романической форме,
В длинных текстах, с картинками-иллюстрациями,
Чтобы эту историю можно было читать и смотреть**
(выделено мной. – Н.П.) [14, 148].

Так появятся более тысячи гуашевых рисунков, которые Шарлотта будет беспрестанно редактировать и сопровождать пояснительными комментариями. 769 гуашей войдут в книгу «Жизнь? Или театр? Зингшпиль», предвосхитившую, как часто отмечается, эру современного медиаискусства. Фонкинос, называя зингшпиль Шарлотты «жизнью, пропущенной через фильтр творчества» [14, 149], обращает внимание на свободное владение художницей техникой «раскадровки» текста: живопись, театр, музыка, кино сплавляются в единую полифоническую структуру. «Творчество на краю бездны» Шарлотты Саломон – это документ, подобно дневникам Анны Франк или берихтам Альфреда Андерша и Гюнтера Вайзенборна, обнажающий беспощадную правду прошлого. Может ли оно быть преодолено?

В начале 1943 года нацисты оккупировали юг Франции. Шарлотта Саломон и ее супруг Александр Наглер, ставшие жертвами анонимного доноса, были отправлены в один из крупнейших концентрационных лагерей Третьего Рейха – Аушвиц-Биркенау. В первый же день ожидавшая ребенка Шарлотта погибнет в газовой камере. Александр уйдет из жизни через три месяца после прибытия в лагерь.

На здании было написано: здесь принимают душ.
Перед тем как войти в душевую, женщины сняли одежду
И развесили на крючках с номерами.

Надзирательница кричит во всю глотку:
Главное, не забудьте свой номер!
И женщины запоминают последнюю цифру.
Их заводят в просторный зал.
Некоторые держатся за руки.
Дверь запирают. Двойной поворот ключа. Как в тюрьме.
Резкий, мертвенный свет искажает нагие тела.
Шарлотта, с ее животом, выделяется среди женщин.
Она стоит неподвижно, глядя куда-то вдаль,
Словно навек отрешается от настоящего,
Чтобы увидеть *другое*» (курсив автора. – Н.П.) [14, 182].

Свои рисунки, пронумерованные и озаглавленные «Жизнь? Или театр?», Шарлотта тщательно упакует и оставит на сохранение доктору Мориди. Она успеет это сделать до ареста. Позже Оттилия Мур передаст их отцу и мачехе Шарлотты, которые будут глубоко потрясены талантом художницы и в еще большей степени – неожиданной откровенностью запечатленного.

Она молчит.
Глядит на него.
Потом протягивает ему чемодан
Со словами: *здесь вся моя жизнь*.
Благодаря Мориди до нас дошла эта фраза –
ЗДЕСЬ ВСЯ МОЯ ЖИЗНЬ.
Что Шарлотта имела в виду?
Я отдаю вам произведение, где рассказана вся моя жизнь?
Или: я отдаю вам произведение, такое же важное, как моя жизнь?
Или еще: это вся моя жизнь, ибо жизнь моя кончена?
ВСЯ моя жизнь...
Эти слова не дают мне покоя,
И, наверное, все варианты верны (курсив автора. – Н.П.) [14, 159].

В 1961 году усилиями доктора Саломона и его жены Паулы в Голландии откроется первая выставка картин Шарлотты Саломон. Спустя десять лет наследие художницы будет передано в Еврейский исторический музей Амстердама. В 1981 году выйдет полное издание книги «Жизнь? Или театр? Зингшпиль» (ред. Д. Герцберг, англ. пер. Л. Венневиц). В 1980-х годах выставки Саломон пройдут в Амстердаме, Беркли, Лос-Анджелесе, Майами, Тель-Авиве и Берлине. Ее работы экспонировались в крупнейших музеях современного искусства (например, в Национальном центре искусства и культуры Жоржа Помпиду или в Национально-художественной галерее Уайтчепел). В год столетнего юбилея художницы появится философско-документальная книга Марии Степановой «Памяти памяти», одна из глав которой будет посвящена Шарлотте Саломон (гл. 6 «Шарлотта, или Ослушание») (2017). В ряду этих событий роман Фонкиноса, несомненно, занимает важное место. «Возвращение из небытия», таким образом, действительно состоялось.

Есть в романе «Шарлотта» концептуальное упоминание о немецком философе Вальтере Беньямине (1892–1940), оказавшем существенное влияние на мировидение Саломон и в определенной степени разделившем ее участь:

Одно из его изречений может выразить суть ее творчества:
«Настоящая мера жизни – это воспоминание» (курсив автора. – Н.П.) [14, 143].

Зингшпиль Шарлотты – *воспоминание о жизни*. Роман Фонкиноса – *воспоминание о жизни и смерти*. К созданию своего произведения писатель шел долгое время. Потрясенный картинами Саломон, а затем и ее книгой «Жизнь? Или театр?», Фонкинос не мог решить для себя, в какой форме и как именно следует рассказать о судьбе и творчестве художницы. Он выбрал жанровую форму, которую, по-видимому, можно условно определить как «роман-верлибр», если иметь в виду, что специфика «свободного стиха» предполагает наличие заданного членения текста на стихотворные отрезки, не имеющие метра и рифмы. По справедливому замечанию М.Л. Гаспарова, верлибр представляет собой «идеальный аккомпанемент, откликающийся на каждый оттенок смысла» [3, 9]. Фонкиносу, кажется, удалось найти этот аккомпанемент.

Годы шли, я пробовал делать записи,
 Неотрывно исследовал творчество этой художницы,
 Цитировал, упоминал Шарлотту во многих своих романах,
 Пытался начать эту книгу бесчисленное множество раз.
 <...>
 В какую же форму облечь мое наваждение?
 <...>
 И однажды я понял, *как* нужно об этом писать»
 (курсив автора. – Н.П.) [14, 59–60].

С нашей точки зрения, дальнейшие перспективы изучения романа Фонкиноса «Шарлотта» могут быть связаны с его рассмотрением в контексте всего творчества писателя, а также – в контексте современной французской литературы, обращенной к осмыслению проблемы «человек и Вторая мировая война» (Л. Бине, Э. Вюйар, Ф.-А. Дезерабль, Т. де Фомбель и др.). Продуктивным представляется и еще один ракурс исследования, актуализирующий вопрос о поэтологической соотнесенности произведения Фонкиноса с западноевропейской традицией «романа о художнике».

1. Амирян Т.Н. Поэтика жанра экзотификции: между фактом и вымыслом // *Человек: образ и сущность*. 2021. № 3(47). С. 153–165.
2. Воронцова М.Д. Семантико-синтаксическая характеристика предлогов *sans/sin* во французском и испанском языках (на материале художественной литературы) // *Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика*. 2018. № 2. С. 125–133.
3. Гаспаров М.Л. Экспериментальные переводы. СПб., 2003.
4. Давид Фонкинос: «Чтобы понять Россию, надо читать Пушкина». Интервью Ю. Коваленко (Париж, 31.08.2016). URL: <https://portal-kultura.ru/articles/books/139128-david-fonkinos-chtoby-ponyat-rossiyu-nado-chitat-pushkina/> (дата обращения: 11.03.2023).
5. Койфман В. Женское лицо искусства. Художница Шарлотта Саломон. URL: <https://proza.ru/2018/06/22/465> (дата обращения: 1.04.2023).
6. Лавриненко В.А. Функционирование окказиональных фразеологизмов в литературных текстах (на материале французского языка) // *Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова*. 2019. № 1. С. 203–207.
7. Манн Т. Тонио Крёгер / пер. с нем. Ю. Спасского. URL: http://az.lib.ru/m/mann_t/text_1903_tonio_kroger.shtml (дата обращения: 28.03.2023).
8. Минова М.В. Риторические вопросы в художественном дискурсе // *Актуальные проблемы общей теории языка, перевода, межкультурной коммуникации и методики преподавания: сб. статей Межвуз. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н.В. Бутылов*. Саранск, 2020. С. 166–173.
9. Платицына Н.И. Человек и война в пьесе И. Вилквиста «Ночь Гельвера» // *Славистички студии 20*. Скопье, 2020. № 20. С. 345–354.
10. Степанюк Ю.В. Прагматические функции указательных детерминативов перед антропонимами в современной французской литературе // *Эволюция романских*

- языков: от языка народности к языку нации: мат-лы Междунар. науч. конф. / отв. ред. И.В. Скуратов. М., 2018. С. 216–221.
11. Степанюк Ю.В. Аллюзивные топонимы в романах Давида Фонкиноса // Аутентичный диалог России и франкофонного мира в пространстве культуры, языка, литературы: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2020. С. 194–205.
12. Степанюк Ю.В. Образ России в романах французского писателя Давида Фонкиноса // Россия и Запад: диалог культур: мат-лы XXI Междунар. науч. конф. М., 2020. С. 385–399.
13. Степанюк Ю.В. Отражение жизни и творчества А.С. Пушкина в романе Д. Фонкиноса «Тайна Анри Пика» // Романские языки: взаимодействие литературы и культуры народов: мат-лы Междунар. науч. онлайн-конф. / отв. ред. И.В. Скуратов. М., 2020. С. 298–303.
14. Фонкинос Д. Шарлотта / пер. с фр. И. Волевич. СПб., 2016.
15. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. URL: <https://knigogid.ru/books/701944-po-tu-storonu-udovolstviya/toread/page-31> (дата обращения: 14.04.2023).
16. Charlotte Salomon: Leben? Oder Theater? URL: <http://www.charlottesalomon.de> (accessed: 14.03.2023).
17. What was the Holocaust? // Encyclopedia Holocaust. URL: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/introduction-to-the-holocaust> (accessed: 2.04.2023).